

УДК 821.161.1

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Н.А. Ворожцова

Вятский государственный университет

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЦИКЛА «МГНОВЕНИЯ» К.К. СЛУЧЕВСКОГО

В статье исследуются стихотворения цикла «Мгновения» К.К. Случевского (1837–1904). Автор анализирует особенности решения философских вопросов о быстротечности жизни, о жестокости судьбы и мира, рассматривает сквозные мотивы цикла о хрупкости мечты, о противоречивости земного мира, о противопоставлении краткой человеческой жизни вечной природе. В статье обосновывается положение о том, что по тематическим признакам в цикле можно выделить несколько основных концепций: мгновение как символ запечатленной и утраченной красоты в человеческом и природном бытии, мгновение как символ жизни и смерти, мгновение как осмысление непреодолимого антагонизма «вечности» и «временности». «Мгновения» Случевского отражают идею связи земного бытия с Божественным мирозданием, так как трагическому восприятию земного существования человека и осознанию неизбежности смерти противопоставлено стремление поэта запечатлеть красоту мгновения.

Русская поэзия XIX века, антагонизм «вечности» и «мгновения», антитеза жизни и смерти, лирическая миниатюра, философская лирика.

Творчество Константина Константиновича Случевского принадлежит к поэзии переходного периода. Его деятельность развивается на стыке времен: вторая половина XIX – начало XX века – и охватывает более чем пятидесятилетний период. Это время, когда старые литературные традиции теряют былую актуальность, а новые концепции еще не сформировались, К.К. Случевский, интуитивно почувствовавший необходимость смены устоявшейся поэтической стилистики в новой общественно-культурной атмосфере конца 1870 – 1890-х годов, стремится использовать новые формы выражения своего мироощущения через описание окружающего мира, пытается создать новую образную систему, пробует превратить символ в главный элемент своего поэтического творчества.

Поэзия К.К. Случевского с 1990-х годов все чаще становится объектом исследования в многочисленных научных трудах, например в монографиях Е.А. Тахо-Годи [13], О.В. Мирошниковой [7], А.Ю. Ипполитовой [3], Т.Э. Смородинской [11] и диссертациях Н.В. Мадигониной [5] и А.Ю. Козыревой [4]. Во всех литературоведческих и критических работах, посвященных творчеству К.К. Случевского, в том числе в отзывах современников поэта, подчеркивается новаторский характер его лирики, отмеченной философичностью, мистическим содержанием, а также глубоким проникновением в подсознание лирического героя (В.С. Соловьев [12], Л.Я. Гинзбург [1], С.В. Сапожков [9], С.К. Маковский [6], С.Н. Зотов [2]). При этом произведения поэта рассмотрены в отдельных его

аспектах, многие из них исследованы поверхностно. В частности, А.Ю. Козырева отмечает, что некоторые лирические циклы К.К. Случевского, такие как «Из природы», «Мгновения», «Лирические», «не обладают философской завершенностью» и «ничем не отличаются от аналогичных тематических разделов в сборниках других поэтов-восемидесятников» [4]. Подобные утверждения нуждаются в пересмотре, что обуславливает актуальность более глубокого изучения поэзии К.К. Случевского, в частности тех его циклов, которые до сих пор остаются за рамками исследовательского внимания.

В данной статье рассматривается цикл «Мгновения», который ранее не был проанализирован в научной литературе. Цикл включает пятнадцать стихотворений, состоящих из шести-восьми строк: «Кукла», «Где бы ни упало подле ручейка...», «Каждую весною, в тот же самый час...», «Последние из грез, и те теперь разбились!..», «Зернышко», «Рано, рано! Глаза свои снова закрой...», «Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...», «Что вы, травки малыя, травки захудалыя...», «Очи впавшие, рот запекшийся...», «Перед статуей Богоматери», «Девятая симфония», «Градины выпали! Счета им нет...», «Он охранял твой сон, когда ребенком малым...», «Я занес тебе, с мороза...», «Из твоего глубокого паденья». Стихотворения, скорее всего, не были изначально задуманы как цикл: часть из них была впервые опубликована в книге «Стихотворения К. Случевского» в 1880 году, часть – в различных журналах. Из этого можно сделать вывод, что

объединение произведений в цикл произошло позже, по жанрово-содержательному принципу в «Сочинениях К.К. Случевского» в 6 томах 1898 года, изданных в Санкт-Петербурге [10].

Открываются «Мгновения» стихотворением «**Кукла**», впервые опубликованном в книге первой, в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году. В стихотворении затрагивается тема хрупкости земного бытия, являющаяся ключевой в цикле.

Автор описывает сцену падения куклы, брошенной ребенком, последовательно рисуя происходящие действия: *Куклу бросил ребенок. Кукла быстро свалилась, / Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...* (Там же, с. 183). Случевский использует сравнение для описания сходства куклы с человеком, чтобы сделать ее более живой и реалистичной: *На человека ты, кукла, вполне походила* (Там же). В данном случае «кукла» выступает в роли человека, являясь как бы его двойником, символом. Подчеркивается ненужность, одиночество куклы, ассоциирующейся с человеком, также заброшенным и обреченным на одиночество в земном мире.

Особого внимания заслуживает ритмический рисунок стихотворения: «*Куклу бросил ребёнок. Кукла быстро свалилась*» (Там же). Первое слово каждого предложения написано хореем, а окончание дактилем. Такое акцентирование слова «*кукла*» создает неровный ритм и вызывает ощущение обеспокоенности.

Поэт призывает читателя задуматься о хрупкости человеческого бытия (...*Ты так неподвижно лежала / Скорбной фигуркой своей, так покорно сломилась* (Там же)), которое может быть так же быстро, легко и неожиданно разрушено случайным событием. Само стихотворение становится метафорой человеческой жизни, создаваемой на основе внешнего сходства образов. Стоит отметить, что на их близость автор обращает внимание именно в таком сломленном и падшем состоянии, что может говорить об отражении в стихотворении (и во всем цикле) пессимистических настроений, характерных для поэзии конца XIX века. Таким образом, в стихотворении Случевского брошенная ребенком кукла отражает философскую мысль трагичности бытия, хрупкости человеческой жизни, ее зависимости от внешних обстоятельств.

Мысль о мимолетности и хрупкости существования продолжается в стихотворении «**Я занес тебе, с мороза...**» (впервые опубликованном в первом собрании сочинений в цикле «Мгновения» 1898 года). В центре стихотворения – образ снежинок, принесенных лирическим героем в дом и мгновенно растаявших. В первой строфе они описываются как *звезды и блестяшки снега*, создается образ чего-то яркого, сияющего, вечного, приносящего радость, что может подчеркнуть *блеск, тепло и негу* дома. Но во второй строфе показано, как снежинки превращаются в слезы, разочаровывая и огорчая лирического героя.

В этом стихотворении Случевский также обращается к бытовым, обыденным ситуациям, он не создает сложных и возвышенных образов, но при этом размышляет о краткости существования, хрупкости благ, которые не способны поддерживать мир, разрушаемый внешними силами и судьбой. Ключевым является

образ снежинок, которые становятся центральным выразительным средством, сюжетообразующей метафорой: *Но беспутные снежинки / Этих благ не замечают, / Обращаются в слезинки / И проворно исчезают...* [10, с. 196] Снежинки, при их временности и непостоянстве, побуждают дорожить мгновением. Таким образом, автор показывает ценность каждого момента жизни, но в то же время неизбежность смерти.

Противопоставление с вечностью является одним из самых важных аспектов, связанных с понятием «мгновения». В цикле эта тема наиболее явно представлена в стихотворениях «**Каждою весною, в тот же самый час...**» и «**Перед статуей Богоматери**».

Последнее произведение (впервые опубликованное в первом собрании сочинений в цикле «Мгновения» 1898 года) строится на сближении и уподоблении молящейся героини и статуи Богоматери. Метонимический перенос основывается на близости внутреннего чувственно-эмоционального состояния образов: *скорбь молчаливая, грустно-немая* (Там же, с. 192). Если первый эпитет можно отнести к устойчивым, то второй близок к окказионализму, объединяющему два определения. Такое состояние вызвано невозможностью для статуи и героини рассказать о своей душевной боли, они одиноки, их никто не услышит, и в мольбах им остается уповать только на божью волю.

В произведении важным также является противопоставление о близости и родственности небесной и земной скорби, воплощением которых становятся женские образы: *Та – скорбь небесную, эта – земную приняла / Родственны обе те скорби в своем воплощенье* (Там же). В некоторой степени это отражает, с одной стороны, представления об устройстве мира, высказанные богословом Аврелием Августином, разделившим бытие на Град земной и Град Небесный, с другой – это связано с наследием романтиков, утверждавших идею двоемирия, а также предвосхищает взгляды символистов. В стихотворении Случевского эта мысль передается через дихотомию Богоматери и женщины как ее земного выражения.

Здесь также можно увидеть традиционную для данного цикла композицию произведения: первая строфа описывает реальную ситуацию, вторая раскрывает размышления и чувства автора по отношению к происходящему. Идея противопоставления земного и вечного бытия выражается в стихотворении в образе женщины, чья жизнь – мгновение по сравнению с веком статуи и тем более веры, которая опирается на идею вечной жизни.

В стихотворении «**Каждою весною, в тот же самый час...**» (впервые опубликованном в журнале «Всемирная иллюстрация» в 1875 году под заглавием «Первый луч» и с подписью С) краткость человеческой жизни противопоставляется вечности солнца и солнечного света, а также земли и жизни на ней, что выражается через мотив постоянства смены времен года. Первоначально образ солнца описывается как обычное явление природы: *Каждою весною, в тот же самый час, / Солнце к нам в окошко смотрит в первый раз* (Там же, с. 185) – и символически соотносится с идеей «постоянства». Оппозиция создается,

с одной стороны, указанием на краткость жизни человека, с другой – через сопоставление неизменного, *ровного*, терпеливого солнца, которое является основой существования жизни на Земле, и человека, чахнувшего и незначительного. Важно то, что именно солнце является причиной увядания человека, вопреки тому, что оно должно, наоборот, способствовать его росту и развитию.

В этом стихотворении, как и в «**Кукле**», можно увидеть авторский эксперимент с ритмико-интонационным оформлением. Основной стихотворный размер – хорей, но в последней строке он ломается за счет пропуска ударения в первой стопе: *Помогая чахнуть и ничем не быть* [10, с. 185]. Это создает прерывистый, неровный и взволнованный ритм, отражающий резкое изменение настроения в произведении: предшествующие строки имели оптимистический настрой: *Будет, будет время: солнце вновь придет, – / Нас здесь не увидит, а других найдет...* (Там же) (даже несмотря на то, что не будет нас, будут другие), но последняя строка отражает пессимистический взгляд на будущее, так как люди не процветают, а чахнут и влачат жалкое существование.

Мотив противопоставления мгновения и вечности отражает в цикле Случевского сущность бытия и лежит в основе мировоззрения автора. Дихотомия мира основывается поэтом на противопоставлении дня и ночи.

Так, в произведении «**Рано, рано! Глаза свои снова закрой...**» (впервые опубликовано под заглавием «Ребенку» в 1876 году в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины») ночь представляется полной тьмы и мрака, пришлецом-великаном, страшным и опасным, которого лучше не видеть, о чем говорит призыв возвращаться ко сну, утро становится символом освобождения, возрождения и торжества света, побеждающего ужас ночи.

В стихотворении К. К. Случевский описывает ночь, в этом образе проявляется мифопоэтическое мирозерцание автора. В мифологическом сознании «ночь», с одной стороны, противопоставлена свету, а с другой – преобразуется в свет [8, с. 553]: *В поле темень и мрак по лесам. / Но <...> час утра придет / Обозначит и холм, и межу* [10, с. 188].

В этом стихотворении поэт практически не обращается к средствам выразительности, единственным явным исключением можно назвать метафору ночи-великана, пришельца, который разлегся над землей, имеющую значение чужеродного явления по отношению к реальному миру: *Ночь, пришлец-великан, разлеглась над землей* (Там же). Обращает на себя внимание и обыденность ситуации, которая в стихотворении оборачивается невероятной и сказочной благодаря образу «пришельца-великана». Важно отметить и продолжение характерной для цикла двухчастной формы, где в первом четверостишии описывается ночь, а во втором – утро. Тема мгновения не выражается в произведении напрямую, но ее можно связать с самой идеей рассвета, «часа утра», являющегося кратким мгновением, особенно в сравнении с «пришельцом-великаном» – ночью.

Антитезу к образам данного стихотворения создает Случевский в следующей миниатюре «**Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...**», впервые опубликованной в первом собрании сочинений в цикле «Мгновения» в 1898 году. Здесь представлена противоположная ситуация: большую опасность представляет день, в то время как ночь становится временем отдыха, успокоения и мира: *Отдохните, глаза, закрываясь в ночи, / Вслед за тем, что вы днем увидели!* [10, с. 189] Тьма уже не угрожает лирическому герою, а наоборот, помогает ему скрыться от ужасов дня, наблюдать за которыми он вынужден своими глазами. Но она не может защитить лирического героя, так как сон возвращает его к дневным воспоминаниям и образам: *Спишь глубоко, а видишь во сне между тем: / Те же люди идут пред тобою...* (Там же). Стихотворение выражает пессимистическое настроение и передает чувство усталости и беспokoйства.

Таким образом, стихотворения: «**Рано, рано! Глаза свои снова закрой...**» и «**Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...**», содержащие сходные образы «ночи», противопоставлены по смыслу. В первом содержится мысль, что во сне человек защищен от темного пространства ночи, а во втором утверждается, что и сон не может помочь человеку обрести успокоение и уверенность.

Образ солнца, присутствующий в произведении «Каждою весною, в тот же самый час...», развивается в стихотворении «**Он охранял твой сон, когда ребенком малым...**», впервые опубликованном в книге первой в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году. Но здесь конфликт двойственности бытия связан с образом героя стихотворения, который в первой строфе представляется ребенком, полным надежд, сладко засыпающим и мечтающим во сне. Луч солнца играет на его щеках, освещая их бархатную мягкость: *И солнца теплый луч своим сияньем алым / На щеках бархатных заманчиво играл* (Там же, с. 196). Во второй строфе показано, как счастливый ребенок превращается во взрослого. Но теперь он уставший, больной, разбитый, его сон уже не глубок, он только дремлет, его пухлые щеки теперь превратились во *впалые ланиты*.

Как и в стихотворении «Каждою весною, в тот же самый час...», солнце является постоянным, вечным, неизменным, в то время как человек кардинально меняется. Помимо этого, в стихотворении присутствует образ заботливого и преданного отца (Бога): *Он охранял твой сон, когда ребенком малым, / Бывало, перед ним ты сладко засыпал»; «Он сторожит твой сон теперь, когда, разбитый, / Больной, уставший жить, тревожно дремлешь ты* (Там же). Несмотря на то что герой сильно изменился, луч солнца все еще бросает цветы на его *ланиты*. Солнце продолжает светить так же, как и прежде. Можно сказать, что автор создает двойную антитезу. Мотив мгновения здесь снова связан с противопоставлением краткой человеческой жизни вечному существованию природы. В этом стихотворении можно также отметить идеализацию прошлого, характерную для романтиков, что проявляется через исключительно положительное

описание прошлого и противоречивое представление настоящего.

Важно отметить, что в трех данных стихотворениях присутствует мотив сна. Во всех случаях сон становится способом сбежать от реальности, скрыться хотя бы на время от ее жестокости и получить возможность почувствовать себя по-настоящему свободным.

Некоторую трансформацию претерпевает данный мотив в последнем стихотворении цикла «**Из твоего глубокого падения**» (впервые опубликованном в журнале «Гуслир» в 1889 году). Сон здесь превращается в мечту. В исследуемом цикле это единственное произведение, в котором появляются мотивы, связанные с актом творчества. Здесь снова происходит противопоставление светлого прошлого, райского сада, в который можно попасть только в мечтах, когда герой был как дома в царстве вдохновения и счастливо мечтал: *Порой, живым могуществом мечты, / Ты вдруг уносишься в то царство вдохновенья, / Где дома был в былые дни и ты!* [10, с. 197], и настоящего, земного бытия, когда он находится в состоянии падения и ощущает свою греховность. Мечта продолжает свое существование, но превращается в звезду, достичь которой практически невозможно.

В стихотворении можно выделить такой вечный образ, как звезда, которая сопоставима с «солнцем». Наряду с указанными образами в стихотворении присутствует идея хрупкого, *светлого мига*, проходящего мимо. В отличие от звезд и царства вдохновения, мечта и возможность творить достижимы героем только в краткий светлый миг, что говорит нам о недолговечности творческого порыва. Можно сказать, что вдохновение, по мнению Случевского, – это мгновение, которым надо дорожить.

О разрушении мечты и грезы Случевский говорит также в стихотворении «**Последние из грез, и те теперь разбились!**...» (впервые опубликованном в книге первой в цикле «Из дневника одностороннего человека» в 1880 году). Композиция этого произведения нетрадиционна для цикла: если большинство стихотворений начинается с изображения жизненной ситуации, которая затем вызывает размышления, то здесь Случевский начинает с философских рассуждений о неотвратимости судьбы, невозможности сохранить грезы, разбивающиеся о жестокую реальность. Эта идея отражается в строчках: *Последние из грез, и те теперь разбились! / Чему судьба, тому, конечно, быть...* (Там же, с. 186). Во второй строфе он обращается к образу карточного игрока, ставящего на кон последнее. Связь между этими картинами основывается на отчаянной надежде на успех, кардинальное изменение, попытке избежать предначертанного: подобно тому как мечты не хотят умирать, цепляясь за жизнь, картежник до последнего надеется выиграть, идя на все ради этого.

Эмоциональный план стихотворения подчеркивается лексически и пунктуационно. Слово *бедняжкам* отражает чувство жалости героя к своим фантазиям, показывая, что грезы были лишь мечтами, которым было не суждено сбыться. Метафора *сжигающая корабли* является символом устремления вперед, когда вооб-

ражаемый карточный игрок, отрезая себе все пути к отступлению, отбрасывает последние колебания, чтобы достичь желаемого, а *корабль* в тексте выступает как символ «бегства». Многоточие в строке: *Чему судьба, тому, конечно, быть...* [10, с. 186] отражает недосказанность, намекает на предопределенность событий, которые влияют на судьбу героя. На наш взгляд, в произведении присутствует развернутая метафора на человеческую жизнь. Так, карточный игрок представлен человеком, попавшим в земной мир страданий.

Внутреннюю антитезу создает Случевский в стихотворении «**Очи впавшие, рот запекшийся...**» (впервые опубликованном в книге второй в цикле «Мелкие стихотворения» в 1881 году), где проявляется противостояние жизни и смерти. Автор концентрируется только на четырех символических знаках смерти: *Очи впавшие, рот запекшийся, / Бледность смертная, тишь могильная!* (Там же, с. 191).

Каждый из указанных знаков-символов имеет свой философский смысл, причем в ряде случаев прямо противоположный. *Очи впавшие* переключаются со строкой *Впали очи, утомившись на обман глядеть* (Там же). Здесь смерть воспринимается как успокоение от утомительной жизни, обмана, лжи. *Рот запекшийся* переключается со строкой *Рот запекся – не сказавши все, что мог сказать!* (Там же). Этот образ передает мысль о том, что смерть лишает возможности творить, высказывать свои взгляды и передавать чувства. *Бледность смертная* соотносится со строкой *Бледность – чтобы, легче было людям, покраснеть* (Там же). Этот образ можно трактовать неоднозначно: смерть – это либо упрек оставшимся жить, либо страх перед неизбежной смертью. *Тишь могильная* соотносится со строкой *Тишь могилы – чтоб живому слову не мешать!* (Там же). Этот образ передает мысль о том, что смерть не должна мешать жизни. Таким образом, стихотворение посвящено философскому осмыслению смерти как неизбежной правды бытия человека, которой невозможно противостоять.

Автор осмысляет смерть по-разному: это и препятствие для жизни и творчества, и успокоение от страданий, и напоминание живым о неизбежности конца земного бытия.

При описании настроения лирического героя автор заменяет цветообозначение таким символом, который наиболее семантически близок красному цвету: *запекшийся рот* (Там же). В стихотворении возникает противопоставление красного и белого цвета. Запекшийся рот указывает на кровь, застывшую на губах, на красный цвет и пролившуюся кровь, ассоциирующуюся со смертью и гибелью. Слово белый не присутствует в стихотворении, но есть понятие бледный – это цвет увядания, болезни, тусклости. Для усиления болезненного состояния автор использует прилагательные *смертная, могильная: Бледность смертная, тишь могильная* (Там же). В результате бледность во взаимосвязи с красным отражает авторскую мысль о неизбежном человеческом страдании на земле и неотвратимости смерти.

Кроме образов солнца, дня и ночи, являющихся сквозными для цикла «Мгновения», можно выделить

и другие природные образы, например растения, которые становятся у К.К. Случевского поводом для размышления о судьбе человека. Так, в стихотворении «Где бы ни упало подле ручейка...» (впервые опубликованном в книге первой в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году) ключевым образом-символом является цветок незабудка. *Семя незабудки*, где бы оно ни упало, весной дает дивные всходы: *Всюду, чуть с весною загудит гроза, / Взглянут незабудок синие глаза!* [10, с. 184]. Этот образ создается в первой строфе стихотворения и является основой для философских размышлений поэта, представленных во второй строфе. Лирический герой сравнивает постоянство и многообразие своих чувств по отношению к возлюбленной с образом незабудки, ее синими глазами.

Стихотворением «Зернышко» (опубликованном в книге второй в цикле «Мелкие стихотворения» в 1881 году) автор завершает описание образа «солнца», возникшего в стихотворении «Каждою весною в тот же самый час...». В «Зернышке» солнце оказывается причиной смерти зерна. Образ «зернышка» метафорически представляет человеческую судьбу.

Первая строфа отражает детское любопытство, веру в доброту мира и надежду на счастье, развитие, в то время как вторая определяет бесплодность подобной мечты, так как окружающий мир не поддерживает зернышко, наоборот, его мнут и топчут, будто специально стараясь сгубить, подобно тому, как жесток и безразличен бывает мир к человеку, разрушая его мечты и стремления, губя его жизнь. Стихотворение повествует о бесплодности и даже опасности мечты.

Следует отметить антонимичный параллелизм, создаваемый образом солнца: *В блеске солнца вешнего – ласки обаятельной... и Солнце жжет лучом...* (Там же, с. 187). Если в первой части солнце стремится поддержать мечты лирического героя, подбадривает и помогает ему, то во второй части оно становится причиной смерти зернышка, жестоко обжигая его своим лучом и лишая жизненных сил.

В композиционном плане стихотворение построено на антитезе восприятия образа «солнца». В первой части солнце является источником тепла, света: *В блеске солнца вешнего – ласки обаятельной...* (Там же). Во второй части поэт обращается к популярному в поэзии приему – наделению традиционных поэтических образов нетрадиционными смыслами. Так, солнце у него изображается убийцей, выжигающим зачаток жизни – несчастное зернышко. В этом произведении зернышко наделяется душевными переживаниями и метафорически соотносится с человеком, думающим, что рождается для счастья, но на самом деле обреченным на смерть. Автор показывает антиномию прекрасного начала жизни и ее неожиданно завершения. Поэт изображает жизнь как страдание: зернышко мнут и топчут, что указывает на неотвратимость гибели. Зернышко в контексте исследуемого произведения является символом трагической человеческой жизни, которой суждено закончиться.

Стихотворение «Что вы, травки малыя, травки захудалыя...» (впервые опубликованное в книге первой в цикле «Думы и мотивы» в 1880 году) является стилизацией под народную песню. К.К. Случевский использует слова с уменьшительно-ласкательными

суффиксами: *травка, дороженька, ноженьки, капелька*. С фольклорной традицией можно соотнести также воззвание к природным силам и психологический параллелизм природы и человека.

В этом стихотворении автор размышляет о том, что человек, оказавшийся не на своем месте, обречен на страдания, которые разрушат его жизнь, подобно тому, как выросшая у дороги трава будет погублена проходящими, а капли дождя, упавшие в озеро, не смогут полноценно совершить свое путешествие по миру, прежде чем вернуться в небо.

В отличие от других стихотворений здесь выделяется три ключевых образа: «травки», «капельки», «сердце», – которые вызывают философские размышления поэта о трагическом земном бытии. Растения обречены на скорую смерть, ведь травки: *Вышли вдоль дороженьки под обод, под ноженьки* [10, с. 190]. Сочувствие автора распространяется и на «капельки», которые, упав на землю, попали в озеро и потеряли себя, растворившись в воде: *Что поторопились – в озеро пролились?* (Там же). Природные образы в стихотворении соотнесены с жизнью человека, что олицетворяет образ сердца: *Что ты, сердце честное, миру неизвестное, / Бьешься не по времени, не в роду, не в племени* (Там же). В стихотворении отразилось мироощущение поэта эпохи безвременья, который чувствует себя ненужным, неуместным в том времени, в котором ему суждено жить.

Случевский обращается не только к образам растений: в стихотворении «Градины выпали! Счета им нет...» (впервые опубликованном в журнале «Русский вестник» в 1891 году) поэт создает образ града и цветов вишни, сбитых его силой. Вишню, которая только что расцвела, поэт сравнивает с *царственным шествием ранней весны* (Там же, с. 194), когда все просыпается после зимней поры. Но эта красота уничтожается градом. Картина, описывающая стихийное явление природы, заставляет автора задуматься о равенстве всех перед судьбой и особенно смертью, так как *Бедные жертвы и их палачи / Гибнут, белея, в безлунной ночи...* (Там же). Вне зависимости от того, кто сильнее и кто причиняет вред, все решает случай: цветы вишни, оказывающиеся случайной жертвой стихии, и сами «градины» – все уравниваются в смерти, одинаково безразличной к ним. Близость подчеркивается поэтом также на уровне цвета: и градины, и цветы вишни белые.

Традиционно белый цвет символизирует чистоту, добродетель, радость и т.п. Однако белый цвет может получать и противоположное значение. По своей природе он как бы поглощает, нейтрализует все остальные цвета и соотносится с пустотой, бестелесностью и в конечном итоге – со смертью. Например, славяне «одевали умерших в белую одежду и покрывали белым саваном» [14, с. 54]. В этом стихотворении белый цвет одновременно символизирует и жизнь, и смерть: с одной стороны, цветущие вишни, с другой – град, побивающий эти цветы. Белый цвет передает холод, чувство опустошенности, соотносится с образом снега, но неявно, а лишь намекая: *Белея, гибнут* [10, с. 194]. Белый цвет противопоставлен темной *безлунной ночи*, перед которой, как и перед смертью, все равны – и *жертвы, и палачи*.

Единство цикла К.К. Случевского «Мгновения» выражается на нескольких уровнях. Все стихотворения представляют собой короткие фрагменты, создающие отдельные картины, впечатление от которых вызывает философские размышления автора. По форме стихотворения, входящие в цикл, являются лирическими миниатюрами, как правило, имеющими двухчастную структуру: в первой части дается зарисовка ситуации из жизни человека или природы, во второй – представлены философские размышления, так или иначе связанные с описанной ситуацией. В цикле выделяются сквозные темы: осмысление быстротечности жизни, противопоставление хрупкой и краткой человеческой жизни вечной природе, мысли о жестокости судьбы и мира, о хрупкости мечты. Ощущение тревоги, одиночества, трагичности передается не только на тематическом и образном уровнях, но и с помощью ритмики: К.К. Случевский экспериментирует с метрикой, нарушает ровное течение ритма смешением хорея и дактиля («Кукла»), или пиррихиями, которые оказываются более заметны на фоне их отсутствия в предыдущих строках стихотворений («Каждую весною, в тот же самый час...»).

Стихотворения, входящие в цикл «Мгновения», – это стихи, в которых присутствуют размышления о разных мгновениях человеческого бытия, об утерянных возможностях, о надежде, которая живет в сердце человека. Каждое стихотворение цикла пронизано философскими рассуждениями о судьбе, о зарождении жизни и ее завершении, о ее цикличности и фатальности. Бытовые зарисовки из жизни, описание природы, мечтаний и чувств разворачиваются перед читателем в анализируемом цикле. Разнообразность и стремительность лирических моментов, описанных в цикле, намекают на мгновенность человеческого бытия. Цикл обладает не только формальной, но и семантической цельностью, обусловленной близостью и взаимосвязью ключевых образов и тем.

В целом цикл можно разделить на несколько основных тематических групп: «мгновения» как осознание мимолетности, антагонизм «вечности» и «мгновения», антитеза жизни и смерти, природные образы, в которых, содержатся философские размышления поэта о судьбе, о снах, мечтах и чувствах. Цикл «Мгновения» может рассматриваться как отражение философской позиции Случевского, воспринимающего жизнь во всей ее многогранности и полноте.

Перспективами дальнейшего исследования является текстологический анализ, связанный с историей создания цикла «Мгновения» и определением роли Случевского в его составлении, а также рассмотрение других произведений поэта с точки зрения отражения в них авторской философской концепции.

1. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель, 1974. – 340 с.

2. Зотов, С. Н. К пониманию смысла поэтической практики русского модернизма / С. Н. Зотов // Русская литература XX–XXI веков : материалы II Международной научной конференции (Москва, 16–17 ноября 2006 г.). – Москва : Издательство Московского университета, 2006. – 450 с.

3. Ипполитова, А. Ю. Случевский: философия, поэтика, интерпретация / А. Ю. Ипполитова. – Санкт-Петербург : филологический факультет Санкт-Петербургского Государственного университета, 2006. – 319 с.

4. Козырева, А. Ю. Лирика К. Случевского, философские воззрения в системе поэтического дискурса: Циклы «Думы», «Мефистофель», «Черноземная полоса», «Мурманские отголоски» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Козырева А. Ю. – Санкт-Петербург, 2003. – 235 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/lirika-k-sluchevskogo-filosofskie-vozzreniya-v-sisteme-poeticheskogo-diskursa-tsikly-dumy-me> (дата обращения: 13.09.2023). – Текст : электронный.

5. Мадигожина, Н. В. Поэтика К.К. Случевского: проблемы полифонизма и прозаизации лирики : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мадигожина Н. В. – Алма-Ата, 1991. – 183 с.

6. Маковский, С. К. Случевский (1837–1904) / С. К. Маковский // На Парнасе Серебряного века / С. К. Маковский. – Екатеринбург, 2000. – 235 с.

7. Мирошникова, О. В. Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К. К. Случевского / О. В. Мирошникова. – Омск : ОмГУ, 2003. – 137 с.

8. Мифы народов мира : энциклопедия. – Москва, 2008. – 1147 с. – URL: <https://obuchalka.org/2013022069633/mif-narodov-mira-enciklopediya-tokarev-s-a-2008.html> (дата обращения: 13.09.2023). – Текст : электронный.

9. Сапожков, С. В. Русская поэзия 1880–1890-х годов в свете системного анализа: от С.Я. Надсона к К.К. Случевскому (течения, кружки, стили) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сапожков С. В. – Москва, 1999. – 21 с.

10. Случевский, К. К. Сочинения К. К. Случевского в шести томах / К. К. Случевский. – Санкт-Петербург : Изд. А.Ф. Маркса, 1898. – Т. 1. – 380 с.

11. Смородинская, Т. Э. Константин Случевский. Несвоевременный поэт / Т. Э. Смородинская. – Санкт-Петербург : ДНК, 2008. – 280 с.

12. Соловьев, В. С. Разбор книги К. К. Случевского «Исторические картинки. Разные рассказы» / В. С. Соловьев. – Санкт-Петербург, 1896. – 157 с.

13. Тахо-Годи, Е. А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне : монография / Е. А. Тахо-Годи. – Санкт-Петербург : Алетей, 2000. – 400 с.

14. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – Москва : Издательство «Торсинг», 2001. – 324 с.

N.A. Vorozhtsova

PHILOSOPHICAL ISSUES OF THE CYCLE *MOMENTS* BY K.K. SLUCHEVSKY

The article examines the poems of the cycle «Moments» by K.K. Sluchevsky (1837–1904). The author of the article analyses the peculiarities of the solution of philosophical questions about the transience of life, the cruelties of fate and the world. The author also examines the cross-cutting motives of the cycle about the fragility of dreams, the inconsistency of the world, and the opposition between a short human life and eternal nature. The study proves that the main concepts based on the thematic characteristics can be distinguished in the cycle: a moment as a symbol of captured and lost beauty in human and natural existence, a moment as a symbol of life and death, a moment as the understanding of the insurmountable antagonism between «eternity» and «temporariness». Sluchevsky's «Moments» reflect the idea of the connection between earthly existence and the Divine universe, since the tragic perception of man's earthly existence and the awareness of the inevitability of death is contrasted with the poet's desire to capture the beauty of the moment.

Russian poetry of the 19th century, antagonism between «eternity» and «moment», antithesis between life and death, lyrical miniature, philosophical lyrics.